

Философия и социология

УДК 128/129
ББК Ю51

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОЗНАНИЕ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

И. В. Вишев

Рассматриваются итоги работы и проблематика XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах «Философия как познание и образ жизни» (август, 2013) и основные вехи истории поиска решения проблемы достижения личного бессмертия от античности до иммортологии нашего времени.

Ключевые слова: всемирный философский конгресс, Афины, философия как познание, философия как образ жизни, линия Сократа, линия Эпикура, концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения, иммортология, иммортотизм.

Под девизом, вынесенным в заголовок настоящей статьи, в Афинах (Греция) с 4-го по 10-е августа 2013 года состоялся XXIII Всемирный философский конгресс. Каждое подобного рода событие, начиная с 1900 года, призвано интегрировать философов на нашей планете. Философские конгрессы происходят практически раз в пять лет, причем после Второй мировой войны (с 1948 года) регулярно именно с такой периодичностью. Они непременно представляют собой значительную и знаменательную веху в истории развития современной философской мысли. Так, Р. А. Куренкова, подводя итоги еще XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле (2008 год), прошедшего под девизом «Переосмысливая философию сегодня», справедливо подчеркнула: «Если мы хотим поддержать мир, а не войны, и сделать планету лучше, надо иметь сильное философское сообщество, которое смогло бы пролить истинный свет на то, что происходит в мире, высветить истинные и ложные ценности, дать объяснение ситуации и способствовать ее концептуализации» [8, с. 16]. Работа конгрессов посвящается рассмотрению того или иного круга актуальных проблем, которые обозначены их девизами, например, XXI ВФК в Стамбуле (2003 год) был посвящен теме «Философия лицом к глобальным проблемам».

Афинский конгресс отнюдь не стал исключением из этого правила, в том числе и в отношении проявления определенных негативных тенденций. Однако, по моему мнению, в его работе они заявили о себе более выпукло и красноречиво, нежели прежде. Тем не менее, и XXIII конгресс в Афинах вызвал большой интерес мирового философского сообщества. Об этом свидетельствует, в частности, статистика и самого Афинского форума философов, и предшествующего ему Сеульского конгресса. Так, в работе последнего приняли участие 2093 человека, а Афинского — 3114. Правда, стран-участников оказалось на 4 меньше (104 и 100). На нем впервые численность российской философской делегации превысила американскую.

Констатируя этот показательный и знаменательный факт, Президиум Российского философского общества особо отметил: «Официальная статистика подтвердила, что из зарубежных делегаций Россия занимает первое место по количеству человек, принявших участие в работе Конгресса» [7, с. 12].

Из нашей страны прибыло 334 докладчика, чьи сообщения были включены в официальную программу Конгресса, а тезисов, включая гостей из России, было опубликовано 467, тогда как США представили всего 224 докладчика (в Сеуле их было 174, россиян — 168). Примечательна динамика роста численности представителей Китая: в Стамбуле — 57, в Сеуле — 126, в Афинах — 185. И это не случайно — следующий всемирный философский конгресс должен состояться в 2018 году именно в Пекине. Как мне представляется, он будет иметь особое знаменательное значение для развития мировой культуры, прежде всего, естественно, — философской.

В основной теме XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах со всей необходимой определенностью различаются два главных ее аспекта — философия как познание и философия как образ жизни. Каждый из них представляет собой принципиально значимые философские проблемы, понимание и решение которых во многом зависит от их дефиниций, выражающих основное содержание данных проблем. Они настоятельно требуют своего критического и вдумчивого рассмотрения.

Познание обычно трактуется как процесс отражения человеческого сознанием объективной, субъективной и социальной реальности, целью которого является обретение истинного знания, т. е. знания адекватного действительности. Решающую роль в достижении такого знания играет, прежде всего, абстрактное мышление, способность оперирования понятиями, которая вырабатывается и реализуется в ходе практической, предметно-материальной, деятельности людей. Именно она является основой и целью познания, а также критерием истины, который обладает абсолютным и относительным характером. Сознание человека в процессе своего развития приобрело также такое важнейшее свойство как опережающее отражение, т. е. способность прогнозирования будущего. Под этим углом зрения философия понимается как предельно обобщенный рационально-чувственный «образ мира».

Казалось бы, учтены все главные моменты — чувственное и рациональное познание, место и роль в нем практики, возможность прогнозирования и др. И все же остается впечатление, что какие-то важные аспекты проблемы упускаются. Их устранению, как представляется, может помочь обращение к

оригинальным взглядам Н. Ф. Федорова — творца философии общего дела, который поставил задачу устранить смерть не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, т. е. уже свершившуюся смерть. Однако в данном случае речь идет о его понимании именно философии и науки, причем им особо подчеркивается как раз проективность философии.

В этой связи Н.Ф. Федоров утверждал: «Философия, понимаемая лишь как мышление, есть произведение еще младенчествующего человечества, хотя философов и любят олицетворять в старческом облике» [14, т. 2, с. 181]. И несколько ниже: «Но философия, понимаемая не как чистое только мышление, а как проект дела, есть уже переход к совершеннолетию» [14, т. 2, с. 181]. Эту мысль он формулирует и следующим образом. Н.Ф. Федоров отмечает, что «философия есть знание того, что должно быть, она есть план деятельности, который есть у всех людей; наука же, изучающая то, что есть, дает лишь средства для действия» [14, т. 1, с. 329]. Интересной и ценной является также и та мысль этого русского философа, что «наука не должна быть знанием причин без знания цели, не должна быть знанием причин начальных без знания причин конечных (т.е. знанием для знания, знанием без действия), не должна быть знанием того, *что есть*, без знания того, *что должно быть*» [14, т. 1, с. 45]. Подобного рода соображения Н.Ф. Федорова и сегодня заслуживают пристального внимания и вдумчивого осмысления, несмотря на то, и даже вопреки тому, что он был религиозным философом, поскольку религиозная составляющая, по моему убеждению, не была неотъемлемой компонентой для его учения в отличие от научной.

Действительно, так, С. Г. Семенова, выдающийся исследователь вместе со своей дочерью А. Г. Гачевой, жизни и творчества Н. Ф. Федорова, резюмируя его воззрения по данному вопросу, отмечает: «В учении «общего дела» важнейшую роль играет принцип трудовой активности человечества, единства теоретического знания и практического действия. Федоров пишет о том, что только «отвлеченные приемы... ресурсы одного мышления» не могут дать окончательного разрешения ни одному вопросу. Только созидательная деятельность, всеобщий труд, одушевленная великой идеей практика приведут через радикальное преобразование мира к его познанию» [13, с. 20]. И далее она дополняет эту свою оценку: «Согласно Федорову, абсолютно познана может быть лишь сотворенная (в данном случае самим человечеством) реальность. Надо достичь, говорил он, такого положения вещей, когда рядом с бессмертным, восстановленным в полном составе, преображенным человечеством будет его творение, мир, для него до конца проницаемый». И, наконец, несколько ниже: «Интересно, что сам Федоров рассматривал свой проект «регуляции природы» не как утопию, а как особую радикальную гипотезу. Но если гипотезы обычно строятся в отношении реально существующей действительности, то выдвигаемая Федоровым гипотеза по своему типу совершенно небывалая, *проективная*, касающаяся мира, каким он *должен быть*. Эта проективная гипотеза требует проверки всеобщим опытом, причем

ее проверка станет ее практической реализацией» [13, с. 20].

Приведенная пространная характеристика Федоровского учения в его философском и научном аспектах позволяет глубже и точнее понять действительную ценность философии общего дела и ее созвучность современным взглядам на данный круг вопросов за исключением суррогатных концепций вроде верификации и фальсификации «эпистемологического анархизма» и им подобных. Примечательно, что и в данном отношении, и в целом ряде других взгляды Н. Ф. Федорова на познание и роль практики, философии и науки, по сути дела, совпадают с марксистскими за вычетом признания достижимости реального личного бессмертия, но, кроме того, особенно ценным и значимым является делаемый им акцент именно на проективность философии и науки. В марксизме он хотя и звучит довольно сильно, но подчеркивается, как представляется, явно недостаточно. И все же главным отличием марксистской философии и философии общего дела Н. Ф. Федорова является отрицание и признание реальной возможности личного бессмертия и воскрешения человека, которое, по моему убеждению, в свете достижений научно-технического и социального прогресса отнюдь не является утопией. Однако это уже совсем другая тема.

Что касается вопроса о философии как образе жизни, то он, как мне представляется, является не только и не столько теоретическим, сколько практическим. Именно при его рассмотрении наиболее определенно проявились негативные стороны работы Афинского конгресса. Как ни в одной стране прежде, где проходили мировые философские конгрессы, в Афинах обнаружилось во всей его остроте противоречие между философским и религиозным пониманием образа жизни человека. Философский образ жизни предполагает, прежде всего и главным образом, рациональное, опирающееся на научные знания, чуждое принципиально недоказуемой вере в сверхъестественное и мистике, восприятие действительности, отношение к ней и ее преобразование. Вместе с тем он не только не исключает, но обязательно признает и учитывает чувственно-эмоциональное и ценностное отношение человека к миру, понимая философию как теоретически сформулированное мировоззрение именно с позиций разума.

Религиозный образ жизни, напротив, исходит как раз из веры в существование сверхъестественных сил и их определяющее значение для бытия мира и человека, неукоснительного следования предписаниям догматических и церковных канонов, отличается алогичностью и потому предпочитает апеллировать к чувствам («ощущая бога», «эмоционально общаюсь с ним, как с реальным живым существом» и т.п.), принятия желаемого за действительное, принося, в конечном итоге, подлинные интересы людей в жертву их мнимым интересам (достаточно вспомнить в этой связи институт монашества, скопчество как предпочтительный образ жизни и многое другое). Религиозная мораль, которой верующие придают особо ценностное значение, базируется, главным образом, на заповедях декалога и Нагорной

проповеди, будто бы божественного происхождения [3, с. 223—245], умоляет достоинство и природу человека («прах земной», «черепок из черепков» и т.п.), его реальные способности и личные заслуги («дар божий» и пр.). Она всегда служила интересам «сильных мира сего», поскольку Библия наставляет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от бога установлены» (Рим. 13: 1). Того же требуют «священные писания» и других религий.

Эти два взгляда на образ жизни столкнулись на Афинском конгрессе в их открытом противостоянии. На нем неоднократно озвучивались заведомо преувеличенные статистические данные, согласно которым будто бы в Греции, объявляемой православной страной, к этому христианскому исповеданию принадлежит 98% населения, к исламу — 1,7% и 0,3% — к другим религиям, атеистов, вообще неверующих людей, вроде бы просто не существует и существовать не может. Поэтому в итоге, по существу дела, получалось, что не философия является образом жизни человека, а именно религия. Естественно, что в подобной атмосфере нужно было обладать определенным мужеством, чтобы излагать в докладах иную, собственно философскую, точку зрения. И это не раз особо отмечалось. Разумеется, и на прежних конгрессах уже давали знать о себе подобного рода негативные тенденции и потому раздавались предостережения об отказе от рационализма, «любви к мудрости», против перехода на иррационалистические позиции. Но в Афинах такого рода тенденции проявились особенно сильно.

Тем не менее, и на этом конгрессе прозвучало немало докладов, заслуживающих внимания и соответствующей оценки. К их числу, несомненно, принадлежит один из ключевых докладов на конгрессе директора ИФ РАН акад. А. А. Гусейнова «Философия как этический проект». Им было подчеркнуто: «Одним из основных каналов выхода философии в повседневную и общественную жизнь традиционно считается этика. Философскую этику называют также практической философией в отличие от философии теоретической. Она является одним из основных факторов, притягивающих к философии широкий публичный интерес» [6, с. 11]. Главный вывод его доклада гласит, чтобы «быть на уровне своего нравственного призвания, человеку необходимо выработать философско-критический взгляд на мир, предполагающий и требующий того, чтобы мир получил санкцию разума, не просто всеобщего, научного, абсолютного и т. д. разума, а такого разума, который, в конечном счете, на выходе, тогда, когда речь идет об ответственных суждениях, оказывается разумом самого действующего индивида. Человек судящий (принимаящий решение) и человек мыслящий имеют между собой то общее, что и в том, и в другом случаях, а, возможно, только в этих двух случаях, он (человек) выступает в качестве автономного начала, находит опору в самом себе, в своей воле и в своем разуме» [6, с. 16]. В этих суждениях много созвучного взглядам Н. Ф. Федорова на проективность философии и науки.

Интересный и содержательный обзор тематики докладов на пленарном заседании, посвященного

проблемам философии науки дал А. Г. Пырин. Предваряя свое резюме, он подчеркнул: «Всемирный философский конгресс — это своеобразное окно, открывающее целостный мир мысли, включая различные культурные подходы к реальному миру. При этом возникает чувство глобального понятия «мы». Известно, что практически все люди задумываются над сократовским вопросом — «Как же следует жить?». ВФК позволяет посмотреть на различные способы и образы жизни на планете Земля, подойти к философии как к искусству жизни, поразмыслить об ответственной позиции философа по отношению к нынешнему и будущим проблемам жизни» [12, с. 14—15]. Однако, как уже было сказано, последовательно философского рассмотрения и обсуждения указанных вопросов на этом конгрессе не получилось и не могло получиться. Остается надеяться, что на Пекинском форуме философов положение вещей будет принципиально иным.

Им были отмечены, в частности, доклады Сьюзен Хак (США), которая говорила о появившихся новых методах познания и научных отраслях, исчезающих границах между рынком и лабораторией, превращении ученых в ученых предпринимателей (научных бизнесменов); Альберта Кордера (Перу / США), отметившего, в частности, что, по его мнению, истина — это удачная теория, поставившего вопрос об обосновании научных данных и соответствующих критериях. Ряд докладов был посвящен экологической проблематике, непосредственно касающейся образу жизни людей. Так, К. Ное (Япония) полагает, что высокие технологии вредоносны для цивилизации, что связано с недостаточным учетом действия законов природы; К. Шредер (США) считает, что людям без техники и технологий не выжить, но это чревато разрушением социальных условий их жизни, например проблема ГМО, возрастающей токсикацией и засорением окружающей среды, а в итоге опасностью понижения айкью у грядущих поколений; А. Масоло (Кения / США) утверждает, что спасением человечества является его невмешательство в природу, но вместе с тем надо выяснить вопрос о том, каковы моральные границы происходящего вмешательства, и что академическое сообщество хуже знает природную среду, нежели население, которое в ней живет веками; Ю. Мурата (Япония) подчеркнул взаимосвязь природной среды и технологии, которая в последнее время «огрызается», являясь источником сбоев и аварий, так что у людей должен быть здравый страх перед такими катаклизмами, а не мораль, которая не работает. А. Г. Пыриным упомянут и ряд других докладов на конгрессе [12, с. 15—17]. Приведенные и иные соображения требуют дальнейшего уточнения и критического рассмотрения.

Разумеется, проблематика Афинского Всемирного философского конгресса была значительно шире и разнообразнее. В частности, автором настоящей статьи был представлен и зачитан доклад «В поисках личного бессмертия: от античности до имморталогии нашего времени», опубликованный на английском языке [16, р. 759—760]. К сожалению, как ни странно и ни печально, других выступлений на конгрессе по поводу этой центральной мировоззренческой

проблемы, скорее всего, больше не было, во всяком случае, они мне до сих пор остались неизвестными. Именно предвидя такую ситуацию, я и решил принять участие в его работе, чтобы, как говорится, поддержать честь, хотя осуществить это намерение было делом для меня далеко не простым.

В своем докладе мною было особо подчеркнуто, что в отличие от мифологического сознания и политеистических религий, для которых было характерным отсутствие представлений о личном бессмертии (боги создали людей по своему образу и подобию, чтобы передать им часть божественных функций, но лишённых свойства бессмертия, дабы твари не могли восстать против творцов), монотеистические религии вследствие нарастания бессмыслицы бедствий и страданий людей в условиях классово-антагонистического общества попытались придать им мистический смысл как неизбежной предпосылки посмертного существования, принять желаемое бессмертие за действительное, но в потустороннем мире. Однако подобного рода представления возникли не только в сфере религиозного сознания. В силу тех же факторов они зародились и в области философской рефлексии, но на этот раз, не через веру, а сомнения и доказательства. В античной философии сложилось два главных взгляда на проблему личного бессмертия, которые я обозначил как линии Сократа и Эпикура.

Наглядным и убедительным примером первого может служить выдвинутое Сократом понимание природы смерти, сформулированное им в диалоге Платона «Федон». Он высказал убеждение в том, что смерть является «отрешением души от тела» [11, с. 135]. Это сформулированное им представление принципиально отличалось от преобладающего тогда взгляда на смерть и ее последствия. Оппонирующий ему Кебет возражал: «То, что ты говорил о душе, вызывает у людей большие сомнения». В этом проявился именно философский подход к рассмотрению проблемы в отличие от религиозного, требующего, прежде всего, «не сомневающейся и невопрошающей веры». И Кебет продолжал, излагая распространенную в то время точку зрения на этот вопрос. «Они, — говорил он, — опасаются, что, расставшись с телом, душа уже нигде больше не существует, но гибнет и уничтожается в тот самый день, как человек умирает. Едва расставшись с телом, выйдя из него, она рассеивается, словно дыхание или дым, разлетается и уже нигде не существует больше». Прочно еще во времена Сократа преобладали мифологические представления о смерти и ее последствиях.

Но наряду с высказанным сомнением, в последующем тексте опять-так явно сквозит стремление принять желаемое за действительное. «Если бы душа, — говорит далее Кебет, — действительно могла где-то собраться сама по себе и вдобавок избавленная от всех зол... это было бы, Сократ, источником великой и прекрасной надежды, что слова твои — истина». Однако, какими бы ни были сомнения и надежды, Кебет, демонстрируя еще одну специфическую черту философского подхода, потребовал от Сократа обоснования его исходного утверждения. «Но, — считает Кебет, —

что душа умершего продолжает жить и обладает известной силой и способностью мыслить — это, на мой взгляд, требует веских доказательств и обстоятельных разъяснений» [11, с. 135]. И Сократ предлагает свои оригинальные, хотя и ошибочные, доказательства, которые предшествовали и предвосхищали позднейшие теологические «доводы» в пользу бессмертия души, еще более удивительно разноречивые и несостоятельные. Однако и на тех и на других останавливаться в данном случае сколько-нибудь подробно не представляется необходимым и уместным.

Принципиально иной подход к решению проблемы смерти и бессмертия был предложен знаменитым философом-атомистом античности Эпикуром. Разрабатывая принципы прекрасной жизни, в качестве одного из них он назвал свободу человека от страха перед смертью. Эпикур исходил из следующего убеждения. «Все хорошее и дурное, — убеждал он, — заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, — не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия» [9, с. 144].

В обоснование своей точки зрения Эпикур утверждал, что «глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причиняет страдания, когда придет, но потому, что она причиняет страдание тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют» [9, с. 144]. И древнегреческий философ поясняет: «Смерть не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам» [9, с. 145]. Иначе говоря, человек, согласно Эпикуру, со смертью не встречается, и потому она ему не может непосредственно причинить страданий, а потому и нет у него оснований страшиться ее. И надо признать, что на протяжении всей человеческой истории практически каждый человек встречает свою смерть по-эпикуровски — удивительно спокойно, хотя и не желая ее, поскольку жизнь — высшая человеческая ценность. Но человек не желает смерти так же и потому, что смерть других людей тоже причиняет ему боль и страдания. Так что устранение смерти и достижение реального личного бессмертия было и остается непреходящей мечтой и действием для ее осуществления.

Поиск средств и путей реализации этой мечты происходил долго и трудно именно в соответствии с линией Сократа и линией Эпикура. Первое направление наиболее массово, полно и последовательно воплотилось в основных мировых религиях. Однако их правильнее было бы назвать не имморталистическими, как обычно считается, т. е. бессмертническими,

а постморталистическими (послесмертными), поскольку смерть объявляется неизменным условием вечной жизни в потустороннем мире. Символично, что, например, согласно христианскому вероучению Христос «попрал» смерть смертью же, а не жизнью, т.е. не реально, а лишь по вере, заведомо исключающей достоверные доказательства.

Учение Эпикура, отрицая посмертное существование, все свое внимание сосредотачивало на ценностях единственно реальной земной жизни людей. О бессмертии речь могла идти только в аллегорическом смысле — в деяниях, потомках и их памяти. Смерть и в религии, и в религиозной философии считалась неизбежной. Последователи линии Эпикура, не принимая иллюзорный характер религиозных и религиозно-философских утешений, апеллировали к мужеству людей перед лицом смерти, к их здравому смыслу и научному знанию. Однако, в конечном счете, смерть представлялась им безысходной, они оставались бессильными перед ее лицом, поскольку уровень развития науки не открывал никаких реальных возможностей и перспектив в этом отношении.

Положение вещей изменилось в этой области исследований кардинальным образом всего лишь полтора десятилетия тому назад — как раз на грани второго и третьего тысячелетий, когда началось клонирование млекопитающих, доказавшее реальность возможности клонирования человека. Осуществленные с тех пор многочисленные эксперименты подобного рода убедительно показали, что смерть перестала быть безысходной, возможна реальная борьба с ней и устранение ее из человеческого бытия [5, с. 106—111]. Решение данной задачи может произойти в форме достижения практического бессмертия человека, сохранения его молодости и неограниченно долгой его жизни, когда можно станет утверждать — человек стал практически бессмертным. Но такое бессмертие не исключает случайности смерти от тех или иных внешних причин, а значит, необходимо восстановление жизни, или реального воскрешения человека. Следовательно, такое бессмертие надо оценить как относительное, а не абсолютное, как в религии, что невозможно с точки зрения науки.

Данный комплекс решаемых проблем является предметом иммортологии — науки о бессмертии. Она исходит из новых философских идей (жизни как противоречия, историчности законов природы, расширения сферы свободы, распространяемой на смерть и бессмертие человека и др.), принимает современные вызовы (существенное постарение населения, сокращение продуктивного периода человеческой жизни, современные демографические тенденции, угрожающие недонаселением планеты и т. п.), учитывает возможности ювенологии — науки о способах сохранения и возвращения молодости; успехи крионики, нанотехнологии, синбиологии, «компьютерного бессмертия» и другие достижения; оптимистически рассматривает нравственно-гуманистические, правовые и ценностные аспекты решения проблемы реального личного бессмертия и многие другие факторы.

Научные открытия буквально ежедневно по-

полняют арсенал средств борьбы со смертью ради победы над ней. К числу самых последних среди них, несомненно, относятся открытия Джона Гердона и Шаньи Яманаки, исследования которых были отмечены Нобелевской премией по физиологии и медицине за 2012 год. Им удалось дать ответы на ряд принципиально важных вопросов, касающихся преодоления старения и естественной смерти. Один из доводов против клонирования вызван меньшим сроком жизни клонированного животного, а значит, и в случае человека, что связано с ограниченностью количества клеточных делений и односторонностью онтогенеза от рождения и молодости через старение к смерти. Упомянутые Нобелевские лауреаты внесли существенные коррективы в эти процессы и заставили по-новому осознать их. Они сумели перепрограммировать уже дифференцировавшиеся клетки снова в стволовые, способные к новому дифференцированию в тот или иной орган или ткань, т. е. индуцированная клетка становится плюрипотентной [10]. Тем самым процесс онтогенеза становится обратимым. Это открытие означает, в частности, что человек, клонированный в пожилом возрасте, не станет доживать время, необходимое на оставшееся число делений клетки, сохраняющей жизнеспособность, а начнет жизнь сначала. Вследствие возможности перепрограммирования решение этих и многих других сопряженных вопросов оказывается «делом техники» и времени. Еще совсем недавно неспособность науки сохранить или вернуть человеку молодость, сделать его жизнь практически бессмертной была не виной ее, а бедой, ибо не было для этого никаких реальных предпосылок. Теперь же ситуация кардинально изменилась. Пусть и не полностью, но в основном стали известными пути и средства сохранения оптимальных параметров телесной и духовной жизнедеятельности человека и достижения реального личного бессмертия [1; 15]. В свете современных достижений науки и открываемых ими перспектив их игнорирование, ограничение и тем более запрещение становится не бедой, а виной человеческого разума, ибо речь идет о человеческой жизни, ее сохранении и радикальном продлении. Настало время для оптимистического взгляда в будущее, когда человек должен стать и станет свободным в выборе между старостью и молодостью, жизнью и смертью, а значит и реальным личным бессмертием [2, с. 24—27]. И тогда жизнь восторжествует над смертью!

Осмысление новейших открытий и тенденций порождает иммортотизм — последовательно оптимистическую форму современного гуманизма [4, с. 46—58]. Таковы основные черты оптимистического мировоззрения нашего времени.

Литература

1. Батин, М. А. *Лекарство от старости* / М. А. Батин. — Кострома, 2007.
2. Вишев, И. В. *Время оптимизма* / И. В. Вишев // *Перспективные разработки науки и техники : мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. 2013.* — *Przemysl : Nauka Istudia*, 2013.
3. Вишев, И. В. *Заповеди декалога и Нагорной проповеди: теологическая и религиозно-философская интерпретация* / И. В. Вишев // *Многоликий дискурс : монография.* —

Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ ; КПОН, 2012.

4. Вишев, И. В. Иммортигуманизм и трансгуманизм — современные гуманистические тенденции / И. В. Вишев // Челябинский гуманитарий : сб. научных трудов членов Челябинского отделения Академии гуманитарных наук. — 2007. — № 3.

5. Вишев, И. В. Смерть перестала быть безысходной / И. В. Вишев // Вестник Российского философского общества. — 2012. — № 4.

6. Гусейнов, А. А. Философия как этический проект / А. А. Гусейнов // Вестник Российского философского общества. — 2013. — № 3.

7. 2. К итогам XXIII Всемирного философского конгресса и культурно-познавательной акции РФО // Вестник Российского философского общества. — 2013. — № 4.

8. 1. Куренкова, Р. А. Диалоги философов в Азии / Р. А. Куренкова // Вестник Российского философского общества. — 2008. — № 4.

9. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. — М., 1955.

10. Нобелевская премия по физиологии и медицине 2012 г. присуждена за открытие индуцированных плю-

рипотентных стволовых клеток (иПСК) // Коммерческая биотехнология [Интернет-журнал]. — URL: <http://cbio.ru/page/51/id/5121/>

11. Платон. Избранные диалоги / Платон. — М., 1965.

12. Пырин, А. Г. Обсуждение итогов XXIII Всемирного философского конгресса / А. Г. Пырин // Вестник Российского философского общества. — 2013. — № 4.

13. Семенова, С. Г. Н. Ф. Федоров и его философское наследие [Вступительная статья] / С. Г. Семенова // Н. Ф. Федоров. Сочинения. — М.: Мысль, 1982.

14. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. / Н. Ф. Федоров. — М.: Прогресс ; Традиция. 1995—1999.

15. Турчин, А. Футурология XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа / А. Турчин, М. Батин. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.

16. Vishev Igor, Russia. Seeking personal immortality: From ancient times to the immortality of the present (28: Philosophical anthropology) / Igor Vishev, Russia // Abstracts XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life (Athens 04 — 10 August 2013). — University of Athens. School of Philosophy University Campus — Zografos.

ВИШЕВ Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет. В 1990 году защитил докторскую диссертацию «Проблема смерти и бессмертия человека: становление, эволюция, перспективы решения». Научные интересы: философская антропология, религиоведение, разработка концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения. E-mail: iv-vishev@mail.ru <http://www.gerontology.susu.ru>

Поступила в редакцию 04 августа 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2014, vol. 14, no. 3, pp. 67–73**

PHILOSOPHY AS A PERCEPTION AND WAY OF LIFE

Igor V. Vishev, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
iv-vishev@mail.ru. <http://www.gerontology.susu.ru>

The article analyzes different results and problematics of XXIII International philosophic congress in Athens “Philosophy as a perception and way of life” (august, 2013) and general history elements of seeking problem solution to achieving personal immortality from ancient times until nowadays.

Keywords: International philosophic congress, Athens, philosophy as a perception, philosophy as the way of life, Socrates line, Epicurus line, the concept of practical immortal person and his real resurrection, immortality, immortohumanism.

References

1. Batin M.A. Remedy of old. Kostroma, 2007.
2. Vishev I.V. Optimism times // VIII International scientific conference “Science and technology development prospects” 2013.— publishing: Sp. z o.o. “Nauka I studia”, (Przemysl, 2013.
3. Vishev I.V. Decalogue commandments and sermon of the Mount: theological and religious interpretation // Multifaced discourse: monograph — Chelyabinsk: SUSU Publishing, REC Publishing “KPOH” 2012.
4. Vishev I.V. Immortohumanism and tranchehumanism — modern humanistic tendencies // Chelyabinsk humanitarian: collection of papers of Chelyabinsk branch members of the Academy of Humanitis — 2007. — № 3.
5. Vishev I.V. The death stopped being hopeless // Russian philosophic community Bulletin. — 2012. — № 4.
6. Guseinov A.A. Philosophy as ethic project // Russian philosophic community Bulletin — 2013. — № 3.
7. The results of XXIII International philosophic congress and cultural-informative initiative RPC (Russian philosophic community) // Russian philosophic community Bulletin — 2013. — № 4.
8. Kurenkova R.A. Philosophers dialogues in Asia // Russian philosophic community Bulletin. — 2008. — № 4.
9. The materialists of Ancient Greece: Heraclitus, Democritus and Epicurus’ collection of works — Moscow, 1955.
10. <http://cbio.ru/page/51/id/5121/>
11. Plato. Selected dialogues. — Moscow, 1965.

12. Pyrin A.G. Discussion of XXIII International philosophic congress results // Russian philosophic community Bulletin — 2013. — № 4.
13. Semenova S.G. Fedorov and his philosophic heritage (Opening article) // Fedorov N.F. Essays. — Moscow: Thought, 1982.
14. Fedorov N.F. Collection of works: in 4 volumes — Moscow: Progress, Tradition. 1995—1999.
15. Turchin A., Batin M. "Futurology of the XXI century: immortality and fatal crash" — Moscow: "Binom". Knowledge laboratory publishing, 2012.
16. Igor Vishev, Russia. Seeking personal immortality: From ancient times to the immortality of the present (28: Philosophical anthropology) / Igor Vishev, Russia // Abstracts XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life (Athens 04 — 10 August 2013). — University of Athens. School of Philosophy University Campus — Zografos.

Received August 4, 2014